

колхозников славу чуткого, внимательного, правдивого и твердого председателя.

Когда посетители разошлись, к Новикову подсел Баранчиков — заведующий избой-читальней и секретарь партийной организации.

— Посоветоваться надо, Кузьма Иванович, — начал Баранчиков. Разговор шел о капризах нынешнего лета, о полях, об урожае.

Смотря в залитое ослепительно ярким солнечным светом окно, Новиков припоминал:

— Десять колхозов сельсовета нынешней весной посеяли яровых в полтора раза больше прошлогоднего и в хорошее раннее время. Трудно было. Люди работали день и ночь. Копали землю лопатами, пахали на коровах. На плечах переносили в поле многие десятки центнеров семян и удобрений. Сам он тоже сутками не уходил с поля; наблюдал, советовал, помогал. Все это забылось, когда на полях было пошли хорошие всходы. Но начались жаркие, засушливые дни и поредели, пооблели на полях зеленя. Изменчиво счастье хлебороба... А надо сделать его постоянным, устойчивым...

В открытую дверь струился ветерок, освежая густо накуренное помещение сельсовета. Новиков прошелся и включил приемник. Весенним полноводьем разлилась старинная русская песня:

«Вниз по Волге-реке с Нижне-Новгорода...»

С лица Кузьмы Ивановича слетела строгая озабоченность и суровость. Брови поднялись, глаза загорелись молодецкой удалью — гордостью и красотой русского человека. Стоял он неподвижно, слушал с упоением, словно отдавая всего себя во власть музыки.

А потом, когда ехали в расположенную в трех километрах от Безлесного деревню Смородное, где у Новикова своя изба, он с грустью рассказывал:

— По натуре я, ровно, не слабый человек и видов немало выдерживал, а вот почему-то песню такую, как та, не могу слушать, душа замирает, уж очень за сердце берет. — И, закутив, продолжал: — Отец мой всю жизнь работал на помещика, не имея у себя ни земли, ни хлеба. Умер, оставив меня трехлетним. Рос и воспитывался я у тетки, у чужих людей. Вырос на вид незавидным. Но характер мой многие знали и считались с ним. А в ту пору, не зря говорилось: «Человек человеку волк». Хутор с хутором, село с селом годами враждовали. На вечеринку в другой хутор один не ходи, а пойдешь — зубов не досчитаешься. В особенности доставалось, конечно, нашему брату, лапотникам. Другого совсем заклюют, оконфузят, что хоть на глаза не показывайся. Богатым я не был, но ухо держал востро, в обиду себя никому не давал. Теперь об этом рассказываешь, не верят. Да и как поверить? Молодежь учится вместе, на собраниях бывает сообща и работает заодно, и отношения стали совсем другими...

— А вот и наше Смородное, — оборвал Новиков.

Смородное — небольшая, в 50 дворов, деревня, расположенная одиноко на высокой, совершенно голой горе. Здесь нет зелени, садов, хотя все соседние хутора утопают в зелени.

Изба Новикова стоит посреди деревни; ветхая, крытая соломой, смотрит она двумя окнами на улицу. На земляном полу, когда мы вошли в избу, копошились цыплята и утята.

— В городе без рубля, а в деревне без хвоста не прожить, — как бы извиняясь, говорила темнорусая, смуглая Агриппина Кирилловна — жена Новикова.

Через дорогу против избы накатан ярус добротного леса. Из него Новиков думает строить новый дом. Сидя во дворе, куда мы вышли из душной избы, Кузьма Иванович рассказывал о прошлой жизни односельчан, о колхозах; он говорил, что они словно молодой, но хорошо принявшийся сад, быстро крепнут и идут в гору. Но попрежнему он упорно умалчивал о своих фронтовых делах, о боевых подвигах и заслугах.

— Почему ничего на груди не носите?

Новиков улыбнулся, как бы удивляясь вопросу, помолчал, помедлил, утвердительно кивнув головой, ответил:

— Не пошу... Лежит орден Ленина, медаль «Золотая звезда», орден Красной звезды, медали «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией». — И, всматриваясь в золотистые и розовые тона заката, он снова начал о другом:

— Какой закат и дымка вон стелется по низине, завтра тоже не будет дождя. — И совсем неожиданно предложил: — Может быть в избу пойти?

Станным было это упорное уклонение Кузьмы Ивановича от рассказа о боевых заслугах. Пришлось спросить напрямую: «За что, за какие подвиги вручена «Золотая звезда» и присвоено звание Героя Советского Союза?»

Новиков снова недоумевающе улыбнулся и, рукой пригладив волосы, начал:

— Стоит ли? Это, пожалуй, не интересно. Была война, много было разных приключений, происшествий, а теперь мирная жизнь, у народа другие заботы и интересы. Но коль уж так желательно, послушайте. — И он рассказал необычайную историю представления его к высшей награде.

22 июня сорок четвертого года часть, в которой Новиков служил автоматчиком, находилась недалеко от реки Западная Двина в районе Бешенковичи. Немцы стремились задержать выход наших войск к реке. Им помогала цепь сложных укреплений: траншей, окопов, блиндажей, проволочных заграждений, минных полей. Ранним утром наша рота должна была вести разведку боем. Новиков и еще двое автоматчиков были в ней, им было поручено добыть «языка». Несмотря на укрепле-